

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45

EDN: GFLTIB

Непрерывное образование в России: экспертная оценка участия взрослого населения*

М.Ю. Семенов, М.М. Акулич

Тюменский государственный университет,
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия

(e-mail: m.y.semenov@utmn.ru; m.m.akulich@utmn.ru)

Аннотация. В современных условиях быстрого технологического прогресса и изменения рынка труда непрерывное образование становится важнейшим фактором воспроизводства человеческого капитала. В России проблема участия взрослого населения в программах непрерывного образования обретает все большую значимость, что связано с необходимостью адаптации профессиональных компетенций к изменяющимся экономическим и технологическим реалиям, а также с важностью повышения квалификации для поддержания конкурентоспособности на рынке труда. Статья посвящена участию взрослого населения России в непрерывном образовании, выявлению ключевых барьеров, препятствующих данному участию, и сравнению российской ситуации с лидирующими странами по уровню вовлеченности взрослых в программы обучения. Исследование основано на экспертном опросе: было проведено 25 полуформализованных интервью, что позволило выявить мнения специалистов из разных сфер, связанных с непрерывным образованием взрослых. Дополнительно были использованы результаты авторского массового анкетирования, а также данные опросов ВЦИОМ, что обеспечило количественное подтверждение качественных выводов. Применялся тематический анализ интервью и статистическая обработка данных анкетирования. Анализ показал, что основные причины, препятствующие активному участию взрослых в программах непрерывного образования, — культурно-ценностные установки, финансовые ограничения и недостатки институциональной среды. Несмотря на рост интереса к дополнительному обучению, Россия продолжает отставать от стран-лидеров по уровню включенности взрослого населения в непрерывное образование. Для повышения уровня участия взрослых в непрерывном образовании необходимо развивать образовательную культуру, снижать финансовые барьеры и совершенствовать институциональные условия. Эти меры будут способствовать повышению конкурентоспособности рабочей силы и развитию человеческого капитала страны.

Ключевые слова: непрерывное образование; обучение; взрослые; экосистема образования; EdTech; человеческий капитал; ценность образования

Для цитирования: Семенов М.Ю., Акулич М.М. Непрерывное образование в России: экспертная оценка участия взрослого населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 33–45. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45>

*© Семенов М.Ю., Акулич М.М., 2025

Статья поступила в редакцию 16.09.2024. Статья принята к публикации 24.12.2024.

Концепция lifelong learning («образование через всю жизнь») прочно укоренилась в научной литературе, посвященной вопросам развития человеческого потенциала и теоретическому описанию социальной динамики, и стала заметной практикой в жизни отдельных индивидов и целых сообществ, что находит отражение в результатах международных и всероссийских статистических наблюдений. Исследование европейской рабочей силы [16] свидетельствует об устойчивом росте доли населения в возрасте от 25 до 64 лет, вовлеченного в непрерывное образование, и данный показатель увеличился почти в три раза (с 5,3 % до 12,9 %) (1) за последние двадцать лет. В России также фиксируется тенденция роста доли населения, участвующей в непрерывном образовании. Несмотря на волатильность этого показателя, его динамику можно охарактеризовать как восходящую [2; 9], причем указанный тренд наблюдается не только по населению в целом или в конкретной возрастной группе, но и в соотношении с занятостью. В период с 2010 по 2019 годы доля занятого населения в возрасте от 25 до 65 лет, прошедшего обучение по программам формального и дополнительного образования, увеличилась с 15,8 % до 25,2 % [10. С. 7].

Рост числа участников программ непрерывного обучения в России и в мире, несомненно, связан с увеличением количества его провайдеров и институционализацией его новых форм. С одной стороны, растет число организаций, осуществляющих образовательную деятельность среди взрослого населения России: с 2019 по 2022 годы — с 2278 до 2322 [3. С. 180]. В Китае прогнозируется рост рынка обучения взрослых в разных форматах (офлайн/онлайн) на 12,9 % до 2027 года [15]. С другой стороны, формируются новые образовательные отрасли, которые позволяют удовлетворить потребности населения в получении знаний и получении квалификации. Пример — индустрия EdTech, напрямую связанная с развитием цифровых технологий и возможностей дистанционного обучения. Причем EdTech не сводится исключительно к онлайн образованию — это «собирательное название любых технологий, применяемых в образовательном процессе» [12]. Бурное развитие данной отрасли подтверждается тем, что только в российском сегменте EdTech компаний объем рынка за второй квартал 2024 года превысил 32 млрд рублей, демонстрируя стабильный рост с 2020 года (2). По прогнозу аналитической группы IMARC, к 2032 году мировой объем рынка EdTech достигнет 661,2 млрд долларов США при совокупном среднегодовом темпе роста в 12,48 % (3). Таким образом, прослеживается общемировой тренд востребованности непрерывного образования, особенно среди взрослого населения, представители которого являются активными субъектами рынка труда.

Для России вопрос об участии взрослого населения в программах непрерывного образования актуален по ряду причин. Во-первых, существует общемировая проблема амортизации человеческого капитала и устаревания компетенций. Исследователи из Сеульского национального универси-

тета, проанализировав панельные данные Германии, пришли к выводу, что наибольшей амортизации подвержен человеческий капитал, основанный на высшем образовании, и активное обесценивание образования наблюдается на высокотехнологичных рабочих местах [14] — возникает потребность в постоянном обновлении компетенций работающего населения, что подразумевает участие в непрерывном образовании.

Во-вторых, долгосрочные изменения и прогнозы относительно российского рынка труда говорят об убыли рабочей силы с усилением понижательного тренда: в ближайшее десятилетие потери в занятости могут составить 3–5 млн человек [6. С. 73]. Для компенсации последствий данной ситуации оставшиеся трудовые ресурсы должны быть максимально продуктивными и обладать актуальными компетенциями, что невозможно без активного участия взрослого населения в непрерывном образовании, которое направлено на совершенствование технических и профессиональных квалификаций, дальнейшее развития способностей и обновление знаний (4).

В-третьих, несмотря на недружественную геополитическую позицию западных стран в отношении России, у части российской молодежи сохраняются достаточно сильные эмиграционные установки, что неминуемо приводит к проблеме «утечки мозгов». Миграционные потоки, связанные с выездом для обучения за рубеж, трансформируются «не только в количественном отношении, но и в качественном (на уровне состава стран-реципиентов), что указывает на доминирование внеакадемической мотивации выезда из страны» [4]. Данная ситуация, несомненно, рискогенна в условиях необходимости сохранения и развития интеллектуального потенциала российского общества и обеспечения его конкурентоспособности как основы технологического суверенитета страны.

В России реализуются государственные программы, направленные на переобучение населения трудоспособного возраста. Речь в первую очередь идет о федеральном проекте «Содействие занятости» — части национального проекта «Демография», направленном на «оказание помощи гражданам в решении проблемы трудоустройства через обучение востребованным компетенциям для овладения новой специальностью и поиска нового места работы» [5. С. 45]. Однако проект ориентирован на отдельные группы, наиболее уязвимые на рынке труда, и предполагает соответствие граждан определенным требованиям (5) для использования предоставляемых проектом возможностей.

На сегодняшний день Россия не является аутсайдером в рейтинге стран по уровню участия взрослого населения в непрерывном образовании, но имеет возможности для улучшения своих позиций. Ранее [13] на основе открытых статистических данных мы показали, что Россия входит в группу стран со средним уровнем включенности взрослых в непрерывное образование — 43 %, что значительно выше, чем в Греции (17 %) или Сербии (21 %), но ниже,

чем в Швеции (74 %) или США (60 %). Необходимо увеличивать вовлеченность взрослых в непрерывное образование в России, чтобы обеспечить сохранение и развитие имеющегося человеческого капитала на рынке труда, преодолевая проблемы квалификационного разрыва. Вместе с тем имеющиеся сопоставительные количественные данные позволяют лишь констатировать факты, но не дают понимания причин имеющихся различий, поэтому мы рассмотрели сущностные особенности участия российского населения в непрерывном образовании на основе экспертных оценок в контексте сопоставления со странами-лидерами по данному показателю.

Теоретической рамкой анализа непрерывного обучения взрослых выступили, с одной стороны, концепции, определяющие образование как инструмент формирования и поддержания человеческого капитала [17; 19], с другой стороны, идеи развития образовательной системы в логике экосистемного подхода [7]. Были поставлены следующие исследовательские вопросы: как можно охарактеризовать ситуацию с участием взрослого населения в непрерывном образовании в России; каковы основные ограничения, не позволяющие на данный момент России занять лидирующие позиции по уровню включенности взрослого населения в непрерывное образование.

Основным методом сбора эмпирических данных стали полуструктурированные экспертные интервью: эксперты привлекались из государственного и коммерческого секторов — менеджмент государственных и корпоративных университетов, представители организаций образовательного консалтинга и провайдеров неформального образования и ДПО, специалисты из сферы HR, академические исследователи сферы образования и рынка труда. Полный перечень опрошенных экспертов с описанием их сфер занятости и прочих характеристик был опубликован ранее [1]. Отбор экспертов проходил в два этапа: сначала исследовательский коллектив методом «длинного стола» обсуждал, кто нужен в качестве экспертов, чтобы ответить на ключевые вопросы исследования. Был определен ряд дискурсивных полей, представители которых обладают экспертным знанием по тематике исследования (6). Далее в ходе рекрутинга релевантность экспертов определялась следующими критериями: профессиональный опыт в сфере образования взрослых и общий стаж работы (не менее пяти лет), глубина компетентности и погруженности в практику в одном из обозначенных на первом этапе дискурсивных полей. Информанты привлекались либо посредством личных контактов, либо с использованием метода «снежного кома». Общий пул экспертов составил 36 человек, однако полуструктурированный формат интервью обусловил отбор 25 интервью, в ходе которых удалось подробно обсудить различия участия взрослых в непрерывном образовании в России и западных странах. Эксперты представили 11 регионов России (6 федеральных округов) и были опрошены в период с ноября 2023 по февраль 2024 года. Был проведен тематический анализ транскриптов интервью с по-

мощью процедур, разработанных А. Брайманом [18] и характеризующихся исследовательской валидностью.

Помимо результатов экспертного опроса в статье приведены отдельные данные массового онлайн-анкетирования на специализированном ресурсе «Анкетолог» (в феврале-мае 2024 года): ссылка на анкету распространялась через социальные сети и мессенджеры среди респондентов, подходящих под требуемые социально-демографические критерии. Выборка включала трудоспособное население из разных по численности городов и сельских поселений Тюменской и Свердловской областей. Отбор респондентов проходил в несколько этапов: по городам с разной численностью населения; по полу и возрасту (18–24, 25–34, 35–44, 45–59, 60 лет и старше (N=1500, ошибка выборки не превышает 3 %). Анкетирование было призвано оценить вовлеченность трудоспособного населения в образовательные практики, запросы, интересы, ценностные ориентации и самостоятельную активность разных социально-демографических групп. Также определялись наиболее востребованные для личностного и профессионального развития цифровые ресурсы образовательной экосистемы (в статье приведены данные об использовании цифровых образовательных платформ трудоспособным населением).

Помимо авторского опроса были проанализированы материалы всероссийских исследований ВЦИОМ — для соотнесения их с основными нарративами экспертного сообщества. Комплекс использованных методов обеспечил смешанную стратегию дополняющего типа. Результаты эмпирического исследования представлены как описание трех тематических полей (групп) ответов информантов в ходе интервью — от большего (наиболее часто встречающегося нарратива) к меньшему (частным ответам).

Итак, что же является ключевым фактором, определяющим различия в уровне включенности взрослого населения в непрерывное образование в России и ряде зарубежных стран-лидеров по этому показателю: самое часто встречающееся тематическое поле ответов на этот вопрос в нарративах информантов можно охарактеризовать как *особенности культурно-ценностного характера* на этапе после получения первого образования и выхода на рынок труда: *«У нас все-таки остается на данный момент парадигма, что достаточно одного высшего образования, которое обеспечит тебе полную дорогу в профессиональный мир»*; *«Как большинство народа у нас считает: “Я закончил университет, зачем мне еще учиться? Всему, что мне нужно я научусь непосредственно на рабочем месте. Не хочу я больше садиться за парту и чему-то обучаться”*»; *«возможно, и менталитет, и образ жизни, какие-то традиционные представления об образе жизни сказываются».*

Близки по смыслу к культуре обучения и размышления экспертного сообщества о ценности непрерывного образования, поэтому они были объединены в общее тематическое поле: *«Мы с вами этим живем, бесконечно учимся, а среднестатистический человек просто не видит в этом смысла, ему*

это не нужно»; понимание, «что обучение имеет реальную ценность, есть у очень небольшого процента». Один эксперт обратил внимание на формирование поколенческих установок относительно важности непрерывного образования в жизни: «Да даже нас еще, наше поколение [моложе 40 лет], когда мы поступали, в принципе нам говорили, что один диплом — это твоя дорога в светлое будущее, это, соответственно, твоя гарантия куска хлеба. Будешь работать хорошо, получишь кусок хлеба с маслом. Поэтому даже у моего поколения, у многих ощущение, что у нас нет дефицита в навыках, нет дефицита в знаниях, поэтому зачем нам еще что-то учить?».

По мнению экспертов, ценность дополнительного образования, повышения квалификации и переобучения не осознается большинством взрослого населения, поэтому в этом вопросе Россия отстает от некоторых западных стран. В этой связи интересно обратиться к всероссийским опросам ВЦИОМ: с одной стороны, действительно, ценность получения качественного образования с возрастом снижается (26 % в группе 18–24 лет; 20 % — 35–44 лет; 9 % — 45–59 лет) (6); с другой стороны, за последние двадцать лет в два раза уменьшилась доля россиян, считающих, что нет необходимости повышать свою квалификацию, чтобы быть конкурентоспособным (16 % в 2004 году, 8 % — в 2024) (7). На наш взгляд, это объясняется тем, что изменения в сфере культуры и общественных ценностей происходят постепенно, растянуты во времени, поэтому, хотя сегодня и зафиксирован положительный тренд — осознание важности непрерывного образования взрослых, этот тренд пока не достигает уровня стран-лидеров по этому показателю.

Впрочем, только изменений культурно-ценностного характера в сфере непрерывного образования будет недостаточно для включения большего числа взрослых в подобные форматы обучения. Важно также финансовое обеспечение населения и развитая институциональная среда для совершенствования или получения компетенций в любой период жизни. Соответственно, второе тематическое поле можно охарактеризовать как *недостаток финансов или разницу в доходах*, которые взрослые люди могут потратить на переобучение/повышение квалификации: *«Как мне кажется, одна из основных причин — это все-таки низкий уровень дохода у большей части россиян, а образование стоит денег и довольно немаленьких. Если зайти на ту же Нетологию или Skillbox, мы увидим, что цены на полноценный курс будут превышать 100 тысяч рублей»; «если учитывать структуру затрат среднего человека в России, то, конечно, большая доля уходит на обеспечение себя пропитанием, на жизнь, нежели на образование».*

Для дополнения экспертных оценок можно обратиться к результатам нашего анкетного опроса населения, в рамках которого мы определили, насколько часто трудоспособное население проходит обучение на EdTech платформах в безвозмездном формате (как показывает рисунок 1, достаточно часто). Для значимой части образовательных платформ характерно про-

хождение пользователями бесплатных курсов, однако на нескольких ресурсах бесплатные курсы либо не проходят совсем (OTUS), либо их количество меньше (ЕШКО, Skillfactory) по сравнению с платными. На наш взгляд, это связано с дифференциацией EdTech платформ на площадки массовых открытых онлайн курсов и школ интернет-профессий: пользователи платформ первого типа склонны выбирать бесплатные программы, а во втором случае таких возможностей может не быть в связи с трудозатратностью и инновационностью образовательного продукта.

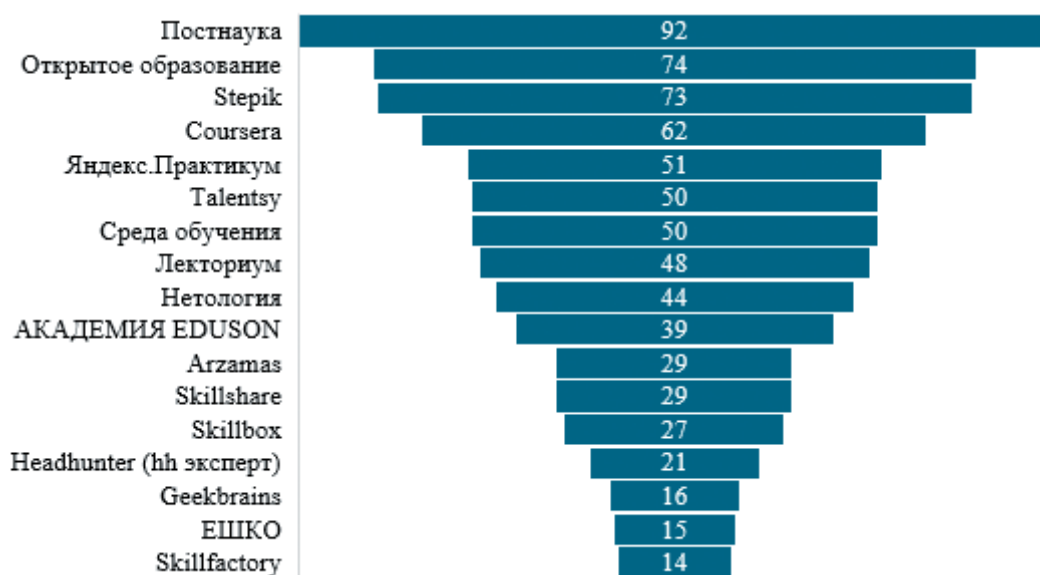

Рис. 1. Доля пользователей (в %), проходивших бесплатные курсы на образовательных платформах

Третье тематическое поле в ответах экспертов — *различия институционального устройства системы образования и рынка труда*, например, на российском рынке труда множество рабочих мест не предполагает необходимости постоянного переобучения: «Я думаю, что довольно много... рабочих мест, большая доля рабочих мест не предполагает постоянного переобучения в силу того, что основана на традиционных технологиях». Высказывалось и мнение о слишком высокой занятости в наиболее активном возрасте для переобучения или развития имеющихся компетенций: «В возрастном диапазоне от 25 до 50 лет трудоспособное население занято чрезвычайно на работе и элементарно сложно принять решение о дополнительном обучении, потому что это дополнительные временные затраты, а люди устают». Это мнение подтверждается данными ВЦИОМ: если в 1992 году на вопрос «Как Вам кажется, в последнее время Вы стали работать больше или меньше, чем два-три года тому назад?» 39 % отвечали, что стали работать больше, то в 2022 году доля таких возросла до 53 % (9).

Что касается различий в институциональной сформированности образовательной системы в России, то эксперты отметили проблему отсутствия программ для людей третьего возраста: *«Дело в том, что у них [западных стран] существует система образования для людей третьего возраста, то, чего у нас вообще нет. Люди выходят на пенсию, а их учат чему-нибудь? Нет, а ведь многие хотели бы учиться... Ну что мы предлагаем сегодня пенсионерам? Вы же знаете — самое широко распространенное предложение — «идите учитесь компьютерной грамотности»... А когда люди говорят, что хотят повысить профессиональный уровень, то, извините, у нас для этого ресурсов нет»*. Трудно не согласиться с экспертом, особенно в условиях сокращения рабочей силы на рынке труда, смещения возраста выхода на пенсию и общего тренда увеличения продолжительности жизни. Необходимо разрабатывать и реализовывать образовательные практики для людей третьего возраста не только как форму досуга, но а как инструмент, помогающий «восполнить дефицит человеческого капитала в решении многих экономических и социальных проблем российского общества» [11].

Один из информантов отметил интересную ситуацию на современном рынке труда — развилку для специалистов, которые могут стать участниками программ непрерывного образования: *«Либо ты попадаешь после 40–45 лет в какой-то пул достаточно высококвалифицированных людей, а они и так востребованы. Они не учатся, потому что некогда, либо учатся где-то параллельно.... Но их не так много. Второй пул — это люди, которые не так хорошо состоялись в профессии. Сюда попадают люди без высшего образования либо люди с высшим образованием, но занимающие не очень высокие должности. Они не видят для себя, как правило, способов получить отдачу. С их точки зрения период отдачи очень большой, плюс сама отдача сомнительна»* (10). Мнение эксперта достаточно интересно для последующего более глубокого анализа, однако может не учитывать проблему амортизации человеческого капитала и быстрого устаревания компетенций, особенно среди высококвалифицированных специалистов [14].

В ходе проведения серии интервью два эксперта выразили сомнения в представленной для обсуждения международной статистике о различиях стран по уровню включенности взрослого населения в непрерывное образование: *«Во-первых, я не верю в 80 % обучающихся... Мы говорим про людей 18–72 лет, ну, ладно, от 18 и до бесконечности. И все эти люди сейчас, 80 % из них, обучаются? Я просто не очень представляю, как это чисто технически возможно»; «У нас есть краткосрочная программа на 8 часов, но мы с вами даже отчитаться этим не можем. А они провели 4 часа семинара и отчитались о нем как об обучении в контексте дополнительного образования, об образовании взрослых, понимаете? Поэтому у них этот процент выше»*. Сомнения экспертов основаны на непонимании технологий подсчета данных, поскольку предложенные для обсуждения межстрановые

статистические различия по уровню участия взрослых в непрерывном образовании не имеют признаков ангажированности или необъективности.

Отметим, что качественные данные, основанные на экспертных оценках и обобщенные в данной статье, позволили помимо уже доказанных в более ранних исследованиях [8] экономических и управленческих детерминант вовлеченности населения в непрерывное образование, также обратить внимание и на социокультурные особенности восприятия обучения в течение всей жизни. Именно различия в установках на непрерывность обновления своих компетенций, наличие ценности обучения после получения первого профессионального или высшего образования среди различных социальных групп, определяют их активность участия в различных практиках непрерывного образования наравне с иными материально выраженными причинами.

Анализ приведенных в статье данных говорит о необходимости формирования у студенческой молодежи и трудоспособного населения ценностных установок на непрерывное образование, связанное как с развитием социально-значимых профессиональных компетенций, так и с личностным ростом. Однако это длительный процесс, требующий постепенных изменений в мировоззрении. Проблема доступности образования в аспекте его непрерывности требует решения еще как минимум двух задач: повышения уровня жизни населения и мониторинга загруженности субъектов трудовой деятельности. Еще одна проблема, выявленная в ходе экспертного опроса, — несоответствие институционального устройства системы образования рынку труда. В этом направлении в России многое делается (5), но преобразования необходимо целенаправленно продолжать. На наш взгляд, задачи развития, расширения и повышения эффективности российской системы непрерывного образования могут быть успешно решены на принципах экосистемного подхода, который предполагает, в первую очередь, ориентированность на обучающегося и ценностное предложение для него, а также особый характер связей участников образовательного процесса [7].

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10085, <https://rscf.ru/project/23-78-10085>.

Примечания

- (1) В исследовании фиксируется доля людей, заявивших, что они получали формальное или неформальное образование либо проходили повышение квалификации в течение четырех недель, предшествующих опросу.
- (2) Индекс российского EdTech-рынка // URL: <https://edtechs.ru/indeks/?indeks=23>.
- (3) Edtech Market Report by Sector // URL: <https://www.imargroup.com/edtech-market>.
- (4) Международная стандартная классификация образования МСКО-2011 // URL: <https://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/isc-2011-ru.pdf>.
- (5) Работа России: Обучение граждан в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» // URL: <https://trudvsem.ru/information-pages/support-employment>.

- (6) Итогом анализа стали пять дискурсивных полей: педагогический дискурс (участники образовательных программ для взрослых — преподаватели и менеджеры программ ДПО, топ-менеджеры, курирующие вопросы реализации ДПО в учреждениях высшего и среднего образования и др.); управленческий дискурс (руководители образовательных программ для взрослых, проректоры/кураторы по реализации ДПО в учреждениях высшего и среднего образования, руководители Центров ДПО и корпоративного обучения, топ-менеджеры и HR — специалисты, отвечающие за организацию программ повышения квалификации и переподготовки сотрудников); рыночный дискурс (поставщики образовательных услуг, в том числе из учреждений дополнительного образования, формального и неформального обучения, EdTech-компании, которые продают образовательные решения для B2B и B2C сегмента, образовательный консалтинг); технологический дискурс (руководители/представители компаний-разработчиков технологических, в том числе цифровых, решений для обучения LMS (системы управления обучением), PLS/E (персонализированные системы и среды обучения с использованием симуляций и виртуальных сред)); исследовательский дискурс (ученые, занимающиеся вопросами экономики образования, социологии образования, андрагогики и педагогики, изучающие правовые аспекты обучения взрослых, в том числе в корпоративной среде).
- (7) ВЦИОМ: Традиционные ценности, современные цели // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi>.
- (8) ВЦИОМ: Обучение длиною в жизнь // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn-1>.
- (9) Представлены ответы респондентов, которые имели опыт обучения на одной из платформ в течение 12 месяцев, предшествующих опросу; по каждой платформе задавался отдельный вопрос в случае опыта ее использования.
- (10) ВЦИОМ: Делу — время, а потехе? // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/delu-vremja-a-potekhe>.
- (11) Эксперт подразумевает отдачу от участия в программах непрерывного образования.

Библиографический список

1. Ефимова Г.З., Семенов М.Ю. Экспертная оценка места университета в экосистеме образования взрослых // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 4.
2. Индикаторы образования 2022: стат. сб. М., 2022.
3. Индикаторы образования 2024: стат. сб. М., 2024.
4. Казакова А.Ю. Выезд на учебу как продленная утечка мозгов: «стремление к» или «бегство от»? // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 12.
5. Калинин М.Г. Обучение взрослого населения в рамках федерального проекта «Содействие занятости» (на примере АЦТ Санкт-Петербурга) // Непрерывное образование в Санкт-Петербурге. 2022. № 1.
6. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. WP3/2023/02. М., 2023.
7. Кичерова М.Н., Трифонова И.С. Принципы экосистемного подхода: возможности для моделирования образовательной экосистемы // Science for Education Today. 2023. Т. 13. № 3.
8. Коришунов И.А., Гапонова О.С. Непрерывное образование взрослых в контексте экономического развития и качества государственного управления // Вопросы образования. 2017. № 4.
9. Непрерывное образование взрослого населения в России: вовлеченность, источники финансирования и основные эффекты от участия. Информационный бюллетень. М., 2018.
10. Непрерывное образование работников в Российской Федерации и регионах. М., 2020.

11. Образование как ресурс сохранения и развития людей «третьего возраста». Екатеринбург, 2021.
12. Проказина Н.В. EdTech в социологическом образовании: вызовы и возможности, риски и решения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1.
13. Семенов М.Ю., Кичерова М.Н., Трифонова И.С. Международный опыт образования взрослых: трансформация институциональных форм // Интеграция образования. 2024. Т. 28. № 2.
14. Уолтер С., Ли Д.Д. Перспективы устаревания компетенций и амортизации человеческого капитала в контексте изменения производственных задач // Форсайт. 2022. Т. 16. № 2.
15. Adult Learning Market in China: Independent Industry Report // URL: <https://ir.quantasing.com/static-files/fabd23f6-d3f2-40b3-9504-713a5611cc0c>.
16. Adult Participation in Learning in the Past Four Weeks by Sex // URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_04_60/default/line?lang=en&category=sdg.sdg_04.
17. Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. University of Chicago Press, 2009.
18. Bryman A. Social Research Methods. Oxford University Press, 2016.
19. Schultz T.W. Capital formation by education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. No. 6.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-1-33-45

EDN: GFLTIB

Continuing education in Russia: Expert assessment of adult participation*

M.Yu. Semenov, M.M. Akulich

Tyumen State University,
Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003, Russia

(e-mail: m.y.semenov@utmn.ru; m.m.akulich@utmn.ru)

Abstract. In the contemporary conditions of rapid technological progress and changes in the labor market, lifelong education becomes the most important factor in the reproduction of human capital. In Russia, the problem of adult participation in lifelong education programs has become increasingly important due to the need to adapt professional competencies to changing economic and technological realities and to the importance of advanced training to maintain competitiveness in the labor market. The article considers the participation of the Russian adult population in continuing education, identifies key barriers to this participation and compares the Russian situation with the leading countries in terms of adult participation in training programs. The study is based on the expert survey: 25 semi-formalized interviews were conducted, which allowed to identify the opinions of specialists from various fields on continuing education of adults. The authors refer to their mass survey and the WCIOM all-Russian data to provide quantitative confirmation for qualitative conclusions; thematic analysis of interviews and statistical analysis of survey data were used. Thus, the main reasons preventing active participation of adults in lifelong learning programs are cultural-

*© M.Yu. Semenov, M.M. Akulich, 2025

The article was submitted on 16.09.2024. The article was accepted on 24.12.2024.

value attitudes, financial constraints, and shortcomings of the institutional environment. Despite the growing interest in additional education, Russia still lags behind leading countries in terms of the scale of adult participation in continuing education. To change the situation, it is necessary to develop a general educational culture, reduce financial barriers, and improve institutional conditions. Such measures would increase the competitiveness of the workforce and develop the country's human capital.

Key words: continuing education; learning; adults; education ecosystem; EdTech; human capital; value of education

For citation: Semenov M.Yu., Akulich M.M. Continuing education in Russia: Expert assessment of adult participation. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 33–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-33-45>

References

1. Efimova G.Z., Semenov M.Y. Ekspertnaya otsenka mesta universiteta v ekosisteme obrazovaniya vzroslykh [Expert assessment of the university's place in the ecosystem of adult education]. *Higher Education in Russia*. 2024; 33 (4). (In Russ.).
2. Indikatory obrazovaniya 2022: stat. sb. [Education Indicators 2022: Statistical Digest]. Moscow; 2022. (In Russ.).
3. Indikatory obrazovaniya 2024: stat. sb. [Education Indicators 2024: Statistical Digest]. Moscow; 2024. (In Russ.).
4. Kazakova A.Yu. Vyezd na uchebu kak prodlennaya utechka mozgov: "stremlenie k" ili "begstvo ot"? [Departure for study as an extended brain drain: "Striving for" or "escape from"?]. *Alma Mater*. 2023; 12. (In Russ.).
5. Kalinko M.G. Obuchenie vzroslogo naseleniya v ramkah federalnogo proekta "Sodeystvie zanyatosti" (na primere ATsT Sankt-Peterburga) [Adult education within the framework of the federal project "Employment Assistance" (on the example of the Saint Petersburg ADT)]. *Nepreryvnoe Obrazovanie v Sankt-Peterburge*. 2022; 1. (In Russ.).
6. Kapelyushnikov R.I. *Rossiysky rynek truda: statistichesky portret na fone krizisov* [Russian Labor Market: Statistical Portrait under Crises]. WP3/2023/02. Moscow; 2023. (In Russ.).
7. Kicherova M.N., Trifonova I.S. Printsipy ekosistemnogo podkhoda: vozmozhnosti dlya modelirovaniya obrazovatelnoy ekosistemy [Principles of the ecosystem approach: Possibilities for modeling the educational ecosystem]. *Science for Education Today*. 2023; 13 (3). (In Russ.).
8. Korshunov I., Gaponova O. Nepreryvnoe obrazovanie vzroslykh v kontekste ekonomicheskogo razvitiya i kachestva gosudarstvennogo upravleniya [Continuous education of adults in the context of economic development and the quality of public administration]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2017; 4. (In Russ.).
9. *Nepreryvnoe obrazovanie vzroslogo naseleniya v Rossii: vovlechenost, istochniki finansirovaniya i osnovnye efekty ot uchastiya*. Informatsionny byulleten [Continuing Education of Adults in Russia: Involvement, Sources of Funding and Main Effects of Participation. Information Bulletin]. Moscow; 2018. (In Russ.).
10. *Nepreryvnoe obrazovanie rabotnikov v Rossiyskoy Federatsii i regionah* [Continuing Education of Employees in the Russian Federation and Its Regions]. Moscow; 2020. (In Russ.).
11. *Obrazovanie kak resurs sokhraneniya i razvitiya lyudey "tretyego vozrasta"* [Education as a Resource Preserving and Developing People of the "Third Age"]. Ekaterinburg; 2021. (In Russ.).
12. Prokazina N.V. EdTech v sotsiologicheskoy obrazovanii: vyzovy i vozmozhnosti, riski i resheniya [EdTech in sociological education: Challenges and opportunities, risks and solutions]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (1). (In Russ.).

13. Semenov M.Yu., Kicherova M.N., Trifonova I.S. Mezhdunarodny opyt obrazovaniya vzroslyh: transformatsiya institutsionalnyh form [International practices of adult education: Transformation of institutional forms]. *Integratsiya Obrazovaniya*. 2024; 28 (2). (In Russ.).
14. Walter S., Lee J.-D. Perspektivy ustarevaniya kompetentsiy i amortizatsii chelove-cheskogo kapitala v kontekste izmeneniya proizvodstvennyh zadach [How susceptible are skills to obsolescence? A task-based perspective of human capital depreciation]. *Foresight*. 2022; 16 (2). (In Russ.).
15. Adult Learning Market in China: Independent Industry Report. URL: <https://ir.quantasing.com/static-files/fabd23f6-d3f2-40b3-9504-713a5611cc0c>.
16. Adult Participation in Learning in the Past Four Weeks by Sex. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_04_60/default/line?lang=en&category=sdg.sdg_04.
17. Becker G. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. University of Chicago Press; 2009.
18. Bryman A. *Social Research Methods*. Oxford University Press; 2016.
19. Schultz T.W. Capital formation by education. *Journal of Political Economy*. 1960; 68 (6).